

Ши Ушэ поднял руку, схватил рукоять Плети Наказания и резко дёрнул. Хуа Чжао спотыкаясь сделала шаг вперёд и врезалась Ши Ушэ в грудь.

Лицом она уткнулась прямо в его мускулистую грудь и вдобавок ко всему зачем-то подумала о том, что все эти любовные романчики — полная брехня. Все эти сцены, где парочки случайно сталкиваются и целуются, — наверняка выдумка: с такой комплекцией и уровнем культивации, как у Ши Ушэ, сбить его с ног просто невозможно.

Даже если бы он упал, при их разнице в росте она бы никак не смогла случайно впиться в него поцелуем.

Разве что вгрызться ему в грудь.

Добившись своего, Хуа Чжао расслабилась: её совершенно не смущало, что она связана. Слегка наклонив голову, она прижалась щекой к груди Ши Ушэ, обмякла в его объятиях и просто стала ждать, пока он заговорит.

Ши Ушэ постоял какое-то время, видя, что она даже не пытается сопротивляться, и опустил взгляд на её макушку.

Его вечно косноязычный язык не знал, с каких слов начать.

И что всё это... должно значить?

Ши Ушэ не понимал: раз уж она совершенно не может отпустить Се Фу и, не задумываясь, заслонила его от Плети Наказания, то зачем пришла к нему? Чего она в конце концов добивается?

Подождав немного и убедившись, что Ши Ушэ обладает поистине железным терпением и собирается и дальше молча стоять столбом, Хуа Чжао мысленно фыркнула.

Она слегка отступила и бросила на Ши Ушэ взгляд:

— Всё ещё дуешься? Днём я помешала тебе отхлестать Се Фу лишь потому, что не хотела, чтобы ты довёл дело до полного абсурда. Ещё попался бы одноклубникам на злоупотреблении служебным положением — неужели тебе больше не нужен пост Мастера Зала Правосудия?

К тому же, наживать смертного врага в лице Сына Небесного Пути — что они будут делать дальше?

Голос Хуа Чжао и без того был мягким, но сейчас она заговорила ещё слаще, уговаривая:

— Второй старший брат, милый братец, я уже порвала с Се Фу, будь со мной помягче.

Однако Ши Ушэ вовсе не выглядел зачарованным.

— Старший брат, — Хуа Чжао шагнула ближе и толкнула его бедро своим.

Стойка у Ши Ушэ была железобетонной — он даже не шелохнулся.

На лице Ши Ушэ по-прежнему застыло выражение «всякая нечисть даже не смейте пытаться меня околдовать», но на самом деле в его голове творился полный кавардак. За всю жизнь никто и никогда не говорил с ним в таком кокетливом тоне, и язык с мыслями у Ши Ушэ разом завязались в узел.

Хуа Чжао уставилась ему в глаза и спустя какое-то время от этого его мёртвого выражения лица не выдержала и нервно хихикнула.

— Ладно, — изобразила досадливый вздох Хуа Чжао.

И с едкой иронией протянула:

— Пожалуй, я пойду. Развяжи меня, я прямо сейчас уйду. Пойду к Се Чанся — он по крайней мере всё понимает, чуток к чужим чувствам и внимателен!

Кто бы мог подумать, что стоило Ши Ушэ услышать, будто Хуа Чжао собралась к Се Фу, как он не только не развязал её, но и, напротив, затянул Плеть Наказания вокруг её талии ещё на один оборот.

Хуа Чжао тихонько охнула.

Ухватив Хуа Чжао за верёвку, Ши Ушэ потащил её прямо к кровати.

При виде такого поворота Хуа Чжао пришла в полный восторг: неужели им предстоит сцена в жанре насильственного принуждения?!

В прошлой жизни Ши Ушэ заточил её взаперти, но даже носа не показывал в её покоях, а в этой — гляди-ка, расхрабрился!

Однако, дотащив её до кровати, Ши Ушэ с помощью духовной нити ослабил заклинание Плети Наказания на талии, но руки освобождать не стал. Вместо этого он использовал плеть как верёвку и накрепко привязал Хуа Чжао к изголовью кровати.

Хуа Чжао: «...Чего ты добиваешься?» Давай уже быстрее действуйте!

Уже полночь, времени до рассвета осталось совсем чуть-чуть.

Но сам Ши Ушэ, судя по всему, понятия не имел, чего именно он добивается. Во всяком случае, позволить Хуа Чжао уйти к Се Фу он не мог.

В такой волнующей обстановке они должны были, по идее, слиться в страстных объятиях посреди туманных грёз гор Ушань, но, к сожалению, завязав её по рукам и ногам, Ши Ушэ шарахнулся от неё как от ядовитой змеи и уселся на самом краю кровати, опустив взгляд и храня мрачное молчание.

События последних двух дней казались донельзя странными и полными подозрительных нестыковок, в которые Ши Ушэ просто не мог поверить.

Он чувствовал себя нищим, который годами просил милостыню, и вдруг кто-то преподнёс ему бесценный нефрит. Его первой реакцией была вовсе не дикая радость, а ужас перед тем, что обладание этим сокровищем принесёт ему смерть.

Именно поэтому он в нетерпении, злоупотребляя служебным положением, подстроил всё так, чтобы спровоцировать Се Фу на драку, — он хотел воспользоваться случаем и тяжело ранить соперника, ведь Се Фу был единственным, кто мог оспорить у него это право.

Но что делать с самим сокровищем по имени Хуа Чжао, он даже не представлял — ему казалось, что её не упрятать ни в один тайник. Ши Ушэ не смел ни нормально обнять её, ни как следует полюбоваться ею.

— Второй старший брат, ты вообще мужчина или нет? — она ведь уже привязала его к кровати, так какого чёрта он уселся так далеко!

Хуа Чжао смотрела на него с досадой, смешанной с разочарованием.

Ши Ушэ повернул к ней голову, совершенно не уловив смысла её слов.

Хуа Чжао: «...» Это что, метание бисера перед свиньями?

Хуа Чжао отродясь не встречала подобных людей. В душе она изумлялась, но в то же время ей безумно хотелось рассмеяться.

Поразмыслив немного, Хуа Чжао вновь пустила в ход уговоры:

— Братец, отпусти меня, я никуда не пойду к Се Фу.

Ши Ушэ пристально смотрел на неё, и в его глазах мелькнуло колебание, но куда сильнее

читалось полное недоверие.

Прошлой ночью она намеренно соблазняла его, сегодня при всех защищала Се Фу и унижала его самого, а теперь пришла среди ночи поболтать, но стоило зайти разговору — снова собралась к Се Фу.

Как она может быть настолько непостоянной?

Некоторое время они молча смотрели друг другу в глаза, после чего Хуа Чжао протянула:

— Братец, мне больно...

Услышав это, Ши Ушэ наконец сдвинулся с места. Сам того не понимая, что попался на удочку, он лишь качнул пальцем, немного ослабляя Плеть Наказания. Кто бы мог подумать, что Хуа Чжао накопит духовную силу, вырвется из пут Плети Наказания, вскочит на ноги и, словно пружина, метнется в ножки кровати, с размаху повалив Ши Ушэ на постель.

Ши Ушэ никак не ожидал подобного и действительно позволил Хуа Чжао сбить себя с ног.

Однако, когда он рухнул на матрас, его инстинкты заставили поднять руки, направляя духовную силу для удара. Но в самый последний момент энергия в его ладонях рассеялась прямо в воздухе. Его длинные, изящные, как бамбуковые стебли, пальцы растерянно замерли, не зная, за что уцепиться и куда деться, и в итоге судорожно впились в покрывало под ним.

Ткань с треском распоролась, наружу полезли клочья ваты.

Это был первый раз, когда они оба, находясь в полном рассудке, оказались так близко. Хуа Чжао сидела верхом на Ши Ушэ, сияя от улыбки, и сверху вниз смотрела на его растерянное и потрясенное лицо.

В прошлой жизни Хуа Чжао часто попадалась на удочку Се Фу. Се Фу в совершенстве владел искусством манипулирования людьми и, преследуя какую-то цель, никогда не скупился на демонстрацию своего очарования.

Но с Ши Ушэ всё обстояло иначе. Хотя Хуа Чжао сейчас и находила его необычайно привлекательным — в этом положении, когда он полуприкрытыми глазами смотрел на нее снизу вверх, было нечто донельзя соблазнительное и завораживающее, — сам Ши Ушэ вовсе не пытался ее очаровать. Он просто не умел этого.

Хуа Чжао подалась вперед, приближаясь к нему. Ши Ушэ судорожно сжал пальцами одеяло, его дыхание сбилось.

Он уже не успевал разгонять по телу духовную силу, чтобы рассеять обжигающий жар, потому

что источник этого сладкого безумия сидел прямо на нем. Словно лава, словно раскаленные угли, она жгла его так сильно, что казалось, он вот-вот обратится в пепел, а разум окончательно покинет его.

Хуа Чжао была так близко к его лицу, что теперь смогла отчетливо разглядеть уши Ши Ушэ, покрасневшие до самого основания от жгучего стыда.

Хуа Чжао тихонько хихикнула, и от этого звука шея Ши Ушэ вспыхнула целиком.

— Шицсюн, у тебя такое красное лицо, — намеренно смягчив голос и нежно обдавая его ухо дыханием, поддразнила его Хуа Чжао.

Дыхание Ши Ушэ замерло. Хуа Чжао тоже опешила, а затем удивленно протянула: «Ой».

Она приподнялась, уперевшись руками в постель, ощутив странное неудобство, и уже собиралась обернуться, чтобы посмотреть, в чем дело, как Ши Ушэ, все еще сжимавший в кулаке одеяло, молниеносно перехватил ее за подбородок, не позволяя оглянуться.

Контурсы глаз Ши Ушэ слегка покраснели — в этом взгляде смешались и мучительное смущение, и трепетное волнение.

Но даже не позволяя сидевшей на нем Хуа Чжао оглянуться, даже отчаянно пытаясь разогнать жар духовной силой и подавить животные инстинкты, он ничего не мог поделать. Его мастерства было явно недостаточно, и все попытки приносили лишь мизерный результат.

Тем более что Хуа Чжао, прищурившись, наблюдала за его жалкими попытками спрятаться. Вспомнив, как сегодня ночью она долго целовалась с закрытой дверью, а потом ее и вовсе выбросили из комнаты так, что она приземлилась на заднее место, девушка вспылала жадной мести.

Хуа Чжао не стала оборачиваться, она лишь слегка сменила позу.

Ши Ушэ судорожно втянул воздух, его глаза покраснели еще сильнее. Словно собираясь кого-то убить, он в упор уставился на Хуа Чжао, а на его шее и висках запульсировали вздувшиеся вены.

— Шицсюн, ты за весь вечер не сказал мне ни слова. Ни единого слова! Я тебе настолько противна? — намеренно качнувшись, изобразила обиду Хуа Чжао. — Если я тебе противна, я могу и уйти.

Дыхание Ши Ушэ сбилось так, будто в горах сошла лавина. Его руки намертво вцепились в талию Хуа Чжао, пытаясь унять еевольные движения.

Вот только его мощные руки, способные обратить любую нечисть в прах и пепел, сейчас казались донельзя слабыми и беспомощными — они были не в силах удержать ту, что намеренно чинила бесчинства в его объятиях.

Стоило Хуа Чжао шевельнуться, как лицо Ши Ушэ становилось всё багровее.

— Шицсюн, ты действительно не хочешь со мной разговаривать?

Хуа Чжао еще не встречала столь непробиваемого упряма.

Прижатый к стенке Ши Ушэ наконец был вынужден подать голос. Его хриплый голос звучал так, будто он набрал в рот грубого песка:

— Не противна.

Он ответил на ее предыдущий вопрос.

— Значит, я тебе нравлюсь? — Хуа Чжао наклонила голову, а ее пальцы скользили дюйм за дюймом вдоль пульсирующей вены на его шее. Она и сама не заметила, как ее щеки тоже полностью покраснели. Лицом к лицу с Ши Ушэ они теперь пылали парными персиковыми румянцами.

Она спросила:

— Я нравлюсь второму шицсюну?

Ши Ушэ смотрел на нее, и в его глазах отражалась только она одна, больше никого во всем мире.

Словно марионетка, чью душу похитил демон, он хрипло, но твердо произнес:

— Нравлюсь.

Хуа Чжао довольно улыбнулась, наклонилась, коснувшись его носа своим, и снова спросила:

— Тогда хочет ли меня второй шицсюн?

Этот вопрос окончательно растоптал все остатки стыда Ши Ушэ. Его губы шевельнулись, но он не смог выдать из себя ни единого звука.

Лишь руки, сжимавшие талию Хуа Чжао, беззвучно сжались сильнее. Да так крепко, что у девушки перехватило дыхание. Теперь они оба со всею отчетливостью ощущали безумный, слившийся воедино ритм сердец друг друга.

Однако Хуа Чжао вбила себе в голову непременно заставить Ши Ушэ заговорить. Подождав немного и не дождавшись ответа, она лукаво протянула:

— Раз шицсюн не хочет, как же я могу принуждать?

Хуа Чжао сделала вид, будто собирается встать, но из-за их теснейшей близости для Ши Ушэ это движение обернулось невыразимой, невыносимой мукой. Ши Ушэ на самом деле многого еще не понимал, например, он до сих пор не мог постичь, почему Хуа Чжао вдруг так сильно изменилась.

Но одно он знал предельно ясно: сейчас он прижимал к груди ту самую, о которой никогда не смел даже мечтать.

— Отпусти меня, — лицемерно произнесла Хуа Чжао, уперевшись руками в постель и поднимая голову на Ши Ушэ.

Ши Ушэ смотрел на нее, прекрасно понимая, что она делает это нарочно, но чувствовал себя при этом словно муха, угодившая в паутину — ее крылья и лапки целиком опутали липкие нити, не оставляя возможности ни выжить, ни умереть.

Он мог лишь следовать за движениями охотницы, дергающей за струны гигантской сети, — содрогаться вместе с ней, качаться в потоке и переживать потрясения, ожидая, пока его поглотят без остатка. — Ты и не отпускаешь меня, и не говоришь ничего, второй старший брат, что ты в конце концов... Крах!

Голос Хуа Чжао оборвался от звука рвущейся ткани. Хуа Чжао лишь почувствовала холодок на спине и, опустив взгляд, встретила с глубокими, непроглядно-темными глазами Ши Ушэ. Она оказалась охвачена бушующими волнами его вожделения, словно увязнув в зыбучем песке, и уже не могла вырваться.

Ши Ушэ прикоснулся к обнаженной спине Хуа Чжао своей обжигающе горячей ладонью, и ей показалось, будто ее коснулось раскаленное железо.

Ши Ушэ заставил Хуа Чжао податься вперед, пристально взглянул на нее и почти свирепо бросил:

— Вот этого!

Едва договорив, он прижал ее за затылок и впился в ее губы поцелуем. Движения всё еще были

неуклюжими, но в них сквозило неотразимое, неистовое и властное жаркое стремление.

Мир завертелся, они поменялись местами, и всплеск духовной силы сшиб висевшую в комнате Лампада Вечного Света, которая с грохотом рухнула на пол. Легкие одежды слетели с ложа и упали наземь, а переплетенные тени на стене отбрасывали силуэты птиц со взмахом крыльев, летящих рука об руку.

За окном сияли звезды и луна, целые россыпи светил окружали тонкий серп, замерший на краю небес — точно так же, как закрытые веки Хуа Чжао в этот миг, повторяя изгиб ее глаз, орошенных испариной.

Летние ночные насекомые шумно стрекотали, словно шептали нежные признания сплетшихся в объятиях возлюбленных, а легкий вероломный верок заставлял покачиваться дикие травы, напоминая гибкую талию танцующей пассии.

На этот раз Хуа Чжао не ударилась головой, потому что Ши Ушэ просто-напросто раздавил в щепки деревянное изголовье кровати.

В этот раз она не стала вырубать Ши Ушэ ударом — в конце концов отключилась она сама.

Она помнила лишь то, что когда проваливалась в сон, лучи солнца уже поднялись до оконных рам, заливая комнату мягким золотистым светом.

Длинные волосы Ши Ушэ запутались вокруг его крепкой и широкой спины, а взгляд, устремленный на Хуа Чжао, был полон предельной сосредоточенности. Озаренный утренним золотом, он казался донельзя сладким, будто весь источал медовый сироп.

Хуа Чжао обожала сладкое.

Она погрузилась в сон — вероятно, от страшной усталости, — и ей приснилось, будто ее придавило чем-то тяжелым. В кошмаре ей неведомо как довелось оказаться придавленной собственным Колоколом Подавления Духа: как она ни пыталась, перевернуться не получалось. Душераздирающий звон один за другим проникал прямо в барабанные перепонки, заставляя саму душу визжать от боли.

Хуа Чжао не могла вырваться из сновидения и лишь чувствовала, как с каждым ударом колокола её тело словно наполняют чем-то чужеродным, отчего оно раздувалось всё сильнее. В конце концов даже поле зрения искривилось, и ей показалось, что в следующее мгновение её просто разорвёт изнутри.

Колокол Подавления Духа не признал в ней свою хозяйку и прижал к земле намертво. Хуа Чжао чувствовала, что у неё перехватило дыхание, и в этом удушающем оцепенении наконец пробудилась.

Она резко села — не села.

Поверх неё лежало целых два одеяла, невероятно тяжёлых. Хуа Чжао опустила взгляд, на мгновение замерла, приходя в себя, а затем горько усмехнулась.

Одно одеяло было с расползшимся пухом и порванными ватными комьями, а второе — совершенно новое. Чьих это рук дело, объяснять было не нужно.

Хуа Чжао откинула одно одеяло. Тело покрывал пот, но кожа оставалась на удивление чистой и свежей, безо всякой липкости: очевидно, пока она спала, Ши Ушэ привёл её в порядок.

Неужели укрыл двумя одеялами и нагнал на неё кошмары из страха, что она замёрзнет?

Солнечные лучи под новым углом вновь забрались на оконную раму, заливая комнату мягким золотистым светом — казалось, будто этот её долгий сон пролетел всего за одно мгновение. Сбросив второе одеяло, Хуа Чжао лениво растянулась на кровати.

Куда это запропастился Ши Ушэ?

Прошлой ночью-то он не страдал от Миазмов Страсти, так неужели снова попытается сделать вид, будто ничего не было?

Размышляя об этом, Хуа Чжао направила духовную силу, чтобы разогнать ломоту в теле. Закончив полный круг циркуляции энергии и наложив на себя несколько Заклинаний Очищения, она почувствовала себя легко и бодро.

Однако подниматься с постели она не спешила, а лишь свесилась с края и глянула на пол: разорванная Ши Ушэ прямо со спины ученическая одежда куда-то исчезла.

Наверное, он её забрал.

С улыбкой вернувшись в прежнее положение, Хуа Чжао болтала ногами и чувствовала, что немного проголодалась.

Её текущего уровня культивации ещё не хватало для полного отказа от обычной пищи. В Сумке для хранения, конечно, валялись Пилюли Пигу, но есть их совсем не хотелось.

В прошлеи жизни ради успешной культивации Хуа Чжао отказалась от всего, что любила есть, боясь скопления грязи и примесей в теле. Но как бы она ни сдерживала себя, разве смогла она в конце концов прорваться к стадии Зарождающейся Души?

Какой вообще смысл жить, если нельзя даже нормально поесть?

Пока Хуа Чжао раздумывала над тем, чтобы встать, сходить в посёлок и раздобыть чего-нибудь вкусного — да заодно позвать с собой заику, чтобы при случае вернуть ей сладости, — дверь отворилась. Хуа Чжао, лежа на краю кровати, наблюдала, как Ши Ушэ обернулся, чтобы закрыть дверь.

— Второй старший брат, ты куда уходил? — Хуа Чжао лежала на животе, прикрывшись лишь краем одеяла, который едва скрывал самое важное, и болтала ногами в воздухе. — У меня не осталось одежды. Ты же не собираешься держать меня в своей постели вечно?

Услышав это, Ши Ушэ бросил на неё взгляд, и в глубине души на мгновение шевельнулось некое искушение, вызванное её невинными словами.

Он позволил себе предаться темным мыслям, но тут же подавил их. Подойдя к кровати, он первым делом схватил одеяло и плотно укутал им Хуа Чжао. Он укрыл её двумя слоями лишь для того, чтобы она не раскрылась во сне, ведь её нынешний вид... был поистине непристойен.

Хуа Чжао превратилась в тугой кокон, из которого выглядывала только голова. Она попыталась было поерзать, но Ши Ушэ прижал её к постели. Она возмущенно уставилась на него, только открыла рот, чтобы что-то сказать, как он внезапно сунул ей что-то в губы.

На языке взорвался сладкий молочный вкус. Хуа Чжао замерла, быстро прожевала и радостно воскликнула:

— Это же молочная конфета! Ты ходил покупать мне сладости?!

— Вкусно, — она проглотила угощение и, не успев даже попросить добавки, как Ши Ушэ поднес к её губам фруктовую конфету.

Хуа Чжао открыла рот и приняла лакомство. Ши Ушэ сидел на краю кровати, в одной руке держа бумажный сверток, а другой поднося конфету. Как только она съедала одну, он тут же давал следующую.

Хуа Чжао довольно сощурилась. Вот именно поэтому она так упорно держалась за Ши Ушэ — этот человек, который со стороны казался немым бревном, на деле был невероятно чутким и всегда знал, что ей нравится.

Она уже обсуждала с зайкой Цзи Ша этот городок: здесь едва ли наберется две кондитерские, не говоря уже о лавках со сладостями. Должно быть, Ши Ушэ совсем не отдыхал: как только она уснула, он без промедления отправился на поиски конфет, причем, скорее всего, скрыв свое присутствие и полетев на мече в город покрупнее.

Хуа Чжао попробовала пять или шесть разных вкусов, и на душе стало приторно сладко. Она хотела еще, но Ши Ушэ отложил сверток и достал из Сумки для хранения еще один, обернутый в промасленную бумагу. Внутри оказались горячие паровые булочки.

Хуа Чжао не стала брать булочку, а, выбравшись из одеяла, потянулась за свертком с конфетами и снова отправила в рот молочную леденец.

Ши Ушэ слегка нахмурился и, как всегда, кратко заметил:

— Не ешь так много.

Хуа Чжао в ответ вызывающе потянулась за ещё одной конфетой, и одеяло, которое и так держалось на честном слове, соскользнуло вниз. Ши Ушэ проворно подхватил сладость, быстро опустил взгляд, а затем прямо к его губам протянули еще одну конфету.

Ши Ушэ уже давным-давно практиковал Пигу и забыл вкус земной пищи, поэтому рта раскрывать не стал.

Хуа Чжао зажала в другой руке целую горсть и запихнула их все себе в рот, принимаясь усердно жевать.

Она обожала сладкое не просто из любви к лакомствам — это была страсть, позволявшая ей заменять сладостями любую еду.

В прошлой жизни из-за необходимости соблюдать строгую диету без сахара она по ночам пряталась в одиночестве и плакала от отчаяния. Она никогда не была зрелой и сдержанной особой, а весь этот образ небожительницы и, в дальнейшем, императорской супруги был не более чем маской.

Все ради того, чтобы соответствовать становившемуся всё сильнее Се Фу.

Но маска приросла к лицу так надолго, что она уже и сама начала забывать свое истинное лицо.

Когда три расы только объединились, повсюду царили тайная борьба и скрытые угрозы, и она не имела права совершить ни малейшей ошибки. Пусть уровень культивации Императрицы Юйсяо и ограничивался Стадией Золотого Ядра, этот недостаток удавалось восполнять первоклассными магическими артефактами, а еще можно было попросту не покидать пределы императорского дворца Юйсяо. Однако за ней следили сотни глаз представителей всех родов из императорского гарема, и у нее не должно было быть иных слабостей, иначе ими воспользовались бы недоброжелатели.

Она держалась с таким великолепием и достоинством, с высоты своего положения императрицы вещала о сострадании к мукам живых существ, а на деле ночами могла лишь прижимать к груди своего маленького лисенка и с тоской вспоминать вкус сахара.

Теперь же она наконец-то могла вести себя так, как заблагорассудится, и есть столько сладкого, сколько душе угодно!

— Не хочешь — сама съем. — Зная, что Ши Ушэ не ест обычную пищу, Хуа Чжао хотела уже забрать предложенную ему конфету обратно и сунуть себе в рот.

Но не успела она сделать и движения челюстями, как Ши Ушэ неожиданно прихватил ее за щеки, заставляя приоткрыть рот, запустил пальцы внутрь и выудил оттуда ту самую конфету, что предназначалась ему.

Его блестящие глаза с лисьим разрезом, цветом напоминающие чистейшее стекло, в упор смотрели на Хуа Чжао, после чего он на ее глазах отправил конфету себе в рот.

Тянувшаяся слюна, испачканная в сахаре, повисла в воздухе тонкой серебристой нитью. Толстокожая Хуа Чжао не выдержала подобного — ее лицо в один миг вспыхнуло и покраснело до самых корней волос.

Но самое пикантное было в том, что пока Хуа Чжао сидела со смущенным лицом, Ши Ушэ сохранял абсолютно невозмутимый вид. Он применил к ним Заклинание Очищения, затем извлек из Сумки для хранения чистые одежды и протянул их девушке.

Опустив взгляд, Хуа Чжао была ослеплена пестрящим перед глазами ярко-красным цветом.

В тот же миг забыв о всяком стыде, она радостно рассмеялась.

Судя по всему, эти наряды Ши Ушэ приобрел в какой-то лавке готовой одежды. Подняв глаза на его непроницаемое лицо, Хуа Чжао обоснованно подозревала, что он сделал это нарочно.

<http://bllate.org/book/22424/2354334>